

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ
ДЕТЕКТИВНЫЕ
ИСТОРИИ

Александр Руж

Игра в американку

Елена Логунова

Фея с палочкой

Татьяна Устинова

У меня зазвонил телефон

Марина Крамер

Между чертом и ангелом

Наталия Антонова

А Золушка ненастоящая!

Наталья Александрова

Поворот сюжета

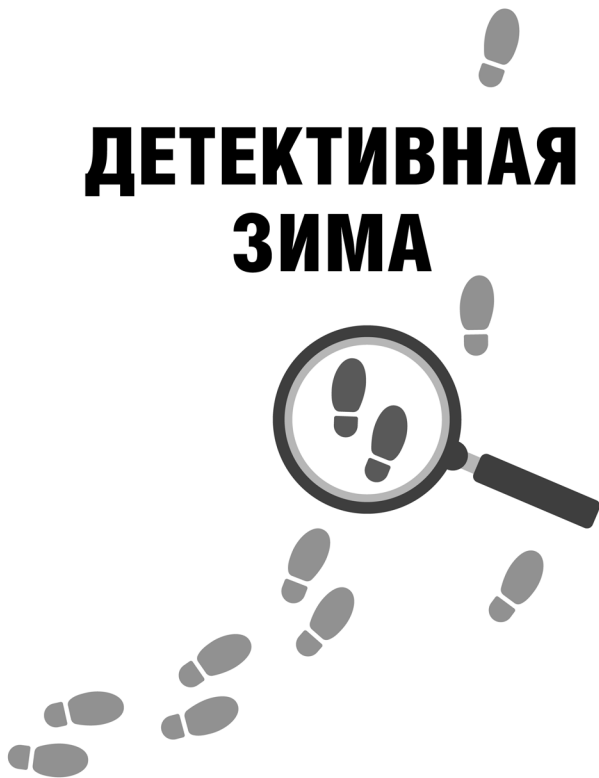
Людмила Мартова

Последний секрет «Титаника»

ДЕТЕКТИВНАЯ ЗИМА

МОСКВА
2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Д38

ПРИСОЕДИНЯЙТЕСЬ К НАМ!

МЫ В СОЦСЕТЯХ:

www.eksmo.ru

 vmirefiction

Редактор серии *А. Антонова*

Оформление серии *С. Курбатова*

Д38 **Детективная зима** : сборник рассказов /
Татьяна Устинова, Наталья Александрова,
Людмила Мартова и другие. — Москва :
Эксмо, 2023. — 320 с. — (Великолепные
детективные истории).

ISBN 978-5-04-166188-5

Зима — самое уютное время года! Долгими снежными вечерами можно приятно провести время за чтением увлекательной книги. Сборник «Детективная зима» отлично подойдет, ведь в него вошли остро сюжетные рассказы известных писателей — Татьяны Устиновой, Елены Логуновой, Людмилы Мартовой, Натальи Александровой, Марины Крамер, Наталии Антоновой и Александра Ружа. Они подарят вам тепло и яркие эмоции!

УДК 821.161.1-312.4

ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-166188-5

© Оформление.

ООО «Издательство «Эксмо», 2023

• СОДЕРЖАНИЕ •

Александр Руж
ИГРА В АМЕРИКАНКУ
7

Елена Логунова
ФЕЯ С ПАЛОЧКОЙ
62

Татьяна Устинова
У МЕНЯ ЗАЗВОНИЛ ТЕЛЕФОН
106

Марина Крамер
ПРИВИЛЕГИЯ ЖЕНЩИН
119

Наталия Антонова
А ЗОЛУШКА НЕНАСТОЯЩАЯ!
161

Наталья Александрова
ПОВОРОТ СЮЖЕТА
247

Людмила Мартова
ПОСЛЕДНИЙ СЕКРЕТ «ТИТАНИКА»
260

АЛЕКСАНДР РУЖ

• ИГРА В АМЕРИКАНКУ •

Зима 1846 года выдалась в Петербурге необычайно суровой. Нет, морозы стояли отнюдь не сибирские, но сильный ветер, постоянно дувший с моря, перенасыщал воздух сыростью, и от этого делалось особенно холодно. В последние декабрьские и первые январские дни непогода загнала столичный люд в дома и рестораны, число прохожих на улицах заметно поубавилось, зато извозчики стали куда более востребованными, чем обычно.

Инженер Алексей Петрович Максимов сидел напротив окна в одной из комнат квартиры, снятой им на Коломенской улице. На коленях у него лежали местные «Ведомости» с хроникой происшествий, где сообщалось о восьми бродягах, насмерть заледеневших за сутки на территории города. Но взгляд

его был устремлен не на газету, а в оконный проем. Там пуржило, по мостовым гроыхали коляски, продрогшие лошадки бежали шибкой рысью, не понукаемые возницами. Они хотели согреться, и быстрое движение оставалось для них единственным способом сохранить тепло.

Алексей Петрович, или по-домашнему Алекс, взял со столика объемистый бокал, сделал изрядный глоток горячего глинтвейна, который мастерски готовила служанка Вероника, и блаженно вздохнул. Созерцание снежной коловерти делало пребывание в надежно утепленных стенах, рядом с натопленным камином, еще более уютным. Мягкое кресло, клетчатый плед, любимая жена — и вам абсолютно все равно, какие природные катаклизмы разыгрываются за пределами комфортного семейного гнезда.

— Нелли... будь добра, плесни мне еще глинтвейну, — попросил Максимов, ленно потягиваясь и роняя «Ведомости» на паркетный пол.

Попросил бы Веронику, но та ушла на Ямской рынок за продуктами для обеда. Максимова были достаточно молодыми и самостоятельными людьми и предпочитали обходиться почти без слуг. Вероника жила в их поместье в Псковской губернии, и это был ее дебютный выезд в Петербург. Можно сказать, сама

напросилась: когда господа, справив в деревне Рождество, засобирались в столицу, куда Алекса звали неотложные дела, Вероника — незамужняя и крайне любопытная деваха — пала им в ноги и умолила взять с собой. Дескать, обрыдло в глухомани торчать, посередине лесов с медведями и волками, желаю хоть глазком на мир посмотреть, к культуре приобщиться. Максимов посчитал ее просьбу резонной, заодно рассудив, что Вероника в Питере возьмет на себя домашние хлопоты и избавит господ от повседневной рутины.

— Нелли! — повторил он, не получив ответа, и красноречиво шаркнул доньшком опустевшего бокала по столешнице.

— Сейчас... — рассеянно отозвалась супруга, сидевшая тут же, в комнате, у камина и шелестевшая старыми бумагами.

Нелли, она же Анита, она же Анна Сергеевна, урожденная сеньорита Моррентес, а ныне госпожа Максимова, уже несколько лет жила в России. Ее здесь все устраивало, не привыкла она лишь к холодам. В деревенской усадьбе ее привела в восторг огромная русская печь с лежанкой, называемой *rolati*. В стылom Петербурге приходилось довольствоваться камином, да и дрова здесь были безобразно дороги. Впрочем, Максимов на отоплении не экономил, в квартире никто не зяб. И все же теплолюбивая Анита предпо-

читала держаться поближе к огню, тем более что он являл собою дополнительный свет — немаловажное обстоятельство в сумеречный зимний вечер.

Анита посчитала, что начало года — отличный повод разгрести архивы, которых она накопила немало с тех пор, как еще в ранней юности начала собирать все, что так или иначе вызывало у нее интерес. Сейчас перед ней на ковре внавалку лежали книги, блокноты с дневниковыми записями, перевязанные тесемками пачки пожелтевших писем, журнальные вырезки и прочее, и прочее. Она так увлеклась их сортировкой, что пропустила просьбу Алекса мимо ушей. К тому ж невелик барин — в состоянии сам дотопать до кухни.

Он подождал немного, понял, что обожаемая Нелли обслуживать его не собирается, и с кряхтением выпростался из кресла. На его счастье, громыхнула входная дверь — это вернулась Вероника, нагруженная покупками. Ее полушубок заиндевел, а шерстяной платок, которым она укутала голову, покрылся колким инеем. Раскрасневшееся лицо было обветрено, а ресницы смерзлись стрелками. Выгрузив на кухне поросячью ногу, задубелый шмат сала и увязанный в тряпицу фунт соли, она скинула верхнюю одежду и принесла Максиму вождеденный глинтвейн. Хозяева, очевидно, не умирали от голода, поэтому она

не помчалась стремглав растапливать плиту, а воспользовалась паузой и, греясь у камина, принялась трещать о том, что видела и слышала на рынке.

Алекс и Анита привыкли к ее болтовне. Необразованную, мало что выдавшую в жизни холопку поражало в стольном граде буквально все: от монументальной и вычурной архитектуры до изобилия товаров в лавках. Вероника отличалась наблюдательностью и нередко подмечала то, мимо чего другие проходили с равнодушием. Нынче днем ее внимание привлекла сценка, которую она охарактеризовала «и смех, и грех».

— Прихожу я на базар, — стрекотала она взахлеб, нисколько не беспокоясь, слушают ее или нет, — а там гвалт! Мужик растрепанный промеж прилавков бегаёт и валенками трясёт.

— Это как? — снисходительно уточнил Максимов, потягивая из бокала пахучее животворящее варево. — Ноги вскидывает, что ли?

— Да нет! Валенки он в руке держал. Махал ими во все стороны и орал, как блаженный: «Где этот чертов цыган? Я ему щас рыло набок сворочу и волосья повыдергаю!»

— Из-за чего же он так обиделся? — осведомилась Анита, не прерывая своего занятия.

Вероника, довольная тем, что от нее не отмахнулись, как чаще всего бывало,

и не напомнили о стряпне, пустилась рассказывать о происшествии с красочными подробностями.

С ее слов нарисовалась живописная картина. Мужик с валенками до того разъярился, что стал сметать в снег товары с лотков у всех продавцов, кто хоть немного походил ликом на цыгана. Поднялась буча, вызвали жандармов, они скрутили буяна. Думали, что пьян, но хмельным от него не пахло. На расспросы о причинах учиненного скандала он отвечал, что намедни утром на этом самом рынке какой-то проходимец продал ему пару валенок. С виду они были крепкими и ладными, торговец без устали расписывал их достоинства, уверял, что и теплы, и удобны, и сносу им не будет лет десять.

Легковерный покупатель принял все за чистую монету. Он тут же примерил обновку, она пришлась ему впору. Он заплатил за нее рубль серебром и в хорошем настроении ушел домой. Случился, однако, непредвиденный казус: не успел мужик дошагать до доходного дома, где остановился на неделю (приехал из новгородского села навестить родню), как почувствовал, что ступни промокли, а в валенках хлюпает. При детальном осмотре выяснилось, что хваленая обувь худа, как решето. Хитроумный торгаш взял негодные, сильно поношенные валенки, окунул их в воду и вы-

ставил на воздух. Мороз сковал их снаружи, скрепив расползшийся войлок. Жулик считил корку, оставив лед только в порах. Валенки смотрелись образцово, но лишь до первой носки. Когда их новый владелец прошел с версту, они нагрелись изнутри, ледяные спайки подтаяли и потекли. Вследствие естественного физического процесса в валенках образовались болотца, а сами они расползлись еще пуше, чем было до заморозки. Дело в том, что лед, въевшись в толстую оболочку, разрыхлил ее, раздвинул волокна, и когда он растаял, голенища, а с ними и остальные части, превратились в месиво.

С этими-то раскисшими, ни к чему уже не пригодными валенками обманутый мужик и прибежал на рынок искать обидчика. Да разве его сыщешь! Мошенник, предвидя подобный оборот, благоразумно ретировался.

Жандармы завелись с выяснением примет, стали опрашивать всех, кто его видел и запомнил, но Веронику, перестоявшую на стуже добрых полчаса, следственные действия уже не заботили. Она купила все, что ей было нужно, и ушла домой греться.

— Сколько еще дураков на свете! — резюмировал Максимов, позевывая.

История, поведенная служанкой, показалось ему чепуховой. Мелкий житейский анекдотец, ничего более.

Веронику услали-таки на кухню готовить обед. В ожидании трапезы Алекс подумывал о еще одной порции глинтвейна, как вдруг Анита промолвила:

— Вот тебе типично зимнее преступление.

— Что ты имеешь в виду? — не понял он.

— Я говорю, что такую аферу нельзя было провернуть в другое время года. Только зимой.

— Да? — Он призадумался. — Пожалуй, ты права. Но это единичный случай, к тому ж пустяковый. Вряд ли ты сумеешь привести примеры других сугубо зимних преступлений, причем по-настоящему серьезных.

— А что ты называешь по-настоящему серьезным преступлением? Убийство?

— Да... например. Уж тут-то никакой сезонности не бывает. Застрелить или зарезать человека можно в любое время года.

В глазах Аниты блеснул азарт, она отложила связку писем, которую перед тем просматривала.

— А если я приведу тебе не один пример, а целых три? И докажу, что бывают воистину серьезные проступки, которые невозможно совершить ни в какое иное время, кроме зимы?

Алекс обладал игроцкой жилкой, заставлявшей его иногда совершать маленькие глупости. Вдобавок он находился под расслабляющим воздействием глинтвейна, поэтому без раздумий принял вызов:

— Хорошо. На что спорим?

Анита ответила моментально:

— Если ты проиграешь... в чем я не сомневаюсь... то исполнишь любое мое желание. А какое именно — узнаешь позже.

— А если проиграешь ты?

— То же условие: ты загадываешь, я исполняю.

— У нас это называется «американка». Ставка вслепую.

— Так ты готов?

— Идет! Давай свои примеры. Но учти: они должны быть убедительными.

— Постараюсь... — Она ногой отпихнула груды бумаг и пересела поближе к Алексу. — Для наглядности представь себе: все, о чем я буду говорить, происходило с одной особой... чем-то похожей на меня, только помоложе. Если ты не против, назовем ее Анни.

— Анни? Хм... Что ж, пускай будет Анни.

— Итак, она волею обстоятельств однажды оказалась в Северной Италии, в предгорьях Альп. Там с нею и ее спутником... дадим ему имя Диего... произошел

первый загадочный случай.

Стояла зима — начало или середина декабря. Морозы были вполне терпимые, зато снег валил с завидным постоянством. Из-за этого многие горные дороги оказались перерезаны,